

РУКОПИСИ М. А. БУЛГАКОВА: ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ «МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ»

Роман Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита» — это фантастический роман, действие которого происходит в Москве, и это роман о Москве. Когда Булгаков в сентябре 1921 года на извозчике въехал в Москву, первое, что его поразило, — афиша с большими буквами: «Дювлам». «Что ж значит-то? Значит-то что ж? Двенадцатилетний юбилей Владимира Маяковского. Воз остановился. Снимали вещи. Присел на тумбочку и как зачарованный устался на слово. Ах, слово хорошо! А я, жалкий провинциал, хихикал в горах на завподиска! Куда ж, к черту. Ан, Москва не так страшна, как ее малюют» («Записки на манжетах»).

В первые месяцы после приезда в Москву Булгаков работал в доме Нирнзее — знаменитом московском небоскребе, названном по имени построившего его инженера. Будущий автор «Мастера и Маргариты» сначала поступил на место секретаря Литературного отдела Главполитпросвета при Народном комиссариате просвещения — Наркомпросе. В 1922 году Булгакову удалось устроиться обработчиком писем трудящихся в газету железнодорожников «Гудок», которая находилась во Дворце труда. В «Черном маге» в числе мест, пострадавших от фальшивых червонцев Воланда, писатель упоминает «кассу месткома газеты „Звонок“ во Дворце труда». В этом «Звонке» легко узнается газета «Гудок», где Булгаков проработал фельетонистом четыре года, в 1922–1926 годах, до премьеры его пьесы «Дни Турбиных» в Московском Художественном театре. В доме Нирнзее помещалась московская контора берлинской газеты «Накануне», в которой Булгаков в начале 1920-х годов публиковал очерки о московской жизни для читателей русской эмиграции. «Шлите побольше Булгакова!» — писал из Берлина, где находилась центральная редакция «Накануне», редактор литературного приложения Алексей Толстой.

В это время Булгаков с увлечением изучал топографию и историю Москвы: Кремль, Тверская, гостиница «Метрополь», Страстной монастырь, Большой театр, Лубянка, Арбат, Пречистенка, храм Христа Спасителя. В рукописи «Черный маг» возникают приметы московской жизни: пивная на углу Триумфальной и Тверской, кондитерская в Столешниковом переулке, моссельпромовский лоток с шоколадом на Мясницкой у почтампа, банк на углу Петровки и Кузнецкого, частный галантерейный магазин на Арбате... В очерке «Сорок сороков» писатель с крыши небоскреба дома Нирнзее видит город до самых окраин и слышит городской шум, «дыхание» оживающей после Гражданской войны Москвы. Под его пером в очерке «Москва краснокаменная» путешествие по Москве на трамвае превращается в картинку послереволюционной московской жизни: «Жужжит „Аннушка“ (так называли в Москве трамвай «А». — *И. Е.*), звонит, трещит, качается. По Кремлевской набережной летит к храму Христа. (...) Вон „Аннушка“ заворачивает под часы у Пречистенских ворот. (...) Александр Сергеевич Пушкин, наклонив голову, внимательно смотрит на гудящий у его ног Тверской бульвар. О чем он думает — никому не известно... Каждую четверть часа несется с кремлевских стен перезвон...»¹ Очерки начала 1920-х годов порой дают подлинный смысл эпизодам и персонажам, выступающим в романе «Мастер и Маргарита» в гротескном, искаженном, шутовском обличье. Некоторые эпизоды очерков, кажется, прямо вошли в роман: «Касса хлопнула, прогремела и съела десять спецовых миллионов. Сдачи: две бумажки по сту. Одна настоящая, с водяными знаками, другая, тоже с водяными знаками, — фальшивая»². В картине бывшего Елисеевского магазина на Тверской — детали сцены в торгсине, который посетили Коровьев и Бегемот. Монолог Коровьева о бедняке, «починяющем примуса», у которого нет валюты, родился не просто так — писатель сам пережил голодные послереволюционные годы в столице: «В Эмпе-о — елисеевских зеркальных стеклах — все новые покупатели. Три фунта. Пять фунтов. Икра черная лоснится в банках. Сиги копченые. Пирамиды яблок, апельсинов. К окну какой-то самоистязатель прилип, выкатил глаза на люстры-гроздья, на апельсины. Головой крутит. Проспал с 18 по 22 год!»³ Или: «Каждый бог на свой фасон. Меркурий,

¹ *Булгаков М. А. Москва краснокаменная // Булгаков М. А. Собачье сердце. Дьяволиада. Роковые яйца. СПб.: Азбука, 2011. С. 344, 346, 348, 349.*

² Там же. С. 345.

³ Там же.

например, с крылышками на ногах. Он — нэпман и жулик»¹. И «Аннушка», и храм Христа Спасителя, и бог Меркурий появятся на страницах романа «Мастер и Маргарита».

Пафос московских очерков Булгакова — возрождение столицы России. В 1920-е и 1930-е годы Москва строилась и менялась. Когда приехал Булгаков, основным транспортом были извозчики, а вскоре главным транспортом стали трамваи. Позднее Булгаков запечатлел в очерках для газеты «Накануне» первые восемь новых московских автобусов. В одной из последних редакций Маргарита узнает о странных похоронах Берлиоза из разговора в троллейбусе. Троллейбусы появились в Москве в 1934 году! А в 1935 году Михаил Булгаков уже ездил в только что построенном московском метро...

Роман создавался двенадцать лет, и в его тексте остались анахронизмы: извозчики у ворот Дома Грибоедова так и не исчезли из рукописей со временем и появляются в текстах 1930-х годов наряду с грузовиком и таксомотором, на котором Пантелей и Рюхин везут Иванушку Бездомного в загородную лечебницу. Впрочем, в этом романе, где так много символических деталей, — извозчики не исчезли, может быть, и потому, что еще до революции на Лубянской площади, на Лубянке (где в доме № 2 разместилось ВЧК—ОГПУ—НКВД), находилась биржа извозчиков.

Сочетание радостной жизни стремительно меняющейся страны и столицы и трагизма отношений между людьми 1930-х годов создают особую атмосферу романа: щемящую грусть о прошлом и волнующее предвосхищение будущего.

Как и многие в то время, Булгаков был уверен в причастности Германии к революции 1917 года и разрухе в России: «Фридрихштрасской уверенности, что Россия прикончилась, я не разделяю, и даже больше того (...) во мне рождается предчувствие, что „все образуется“ и мы еще можем пожить довольно славно», — пишет он в 1923 году². Его герой Воланд — иностранный консультант — говорит двум литераторам: «Здесь так хорошо под липами...», как будто намекая на название главной улицы Берлина — *Unter den Linden*. А писатель, словно напоминая читателю о недавней войне и иностранной интервенции, завершает очерк «Сорок сороков», опубликованный в «Накануне» 15 апреля 1923 года, словами: «...я мечтаю, как летом

¹ Булгаков М. А. Столица в блокноте // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. С. 250.

² Булгаков М. А. Столица в блокноте. С. 262–263.

взлезу на Воробьевы горы, туда, откуда глядел Наполеон, и посмотрю, как горят сорок сороков на семи холмах, как дышит, блестит Москва. Москва-мать»¹.

Воланд, покидая Москву, указывает своим спутникам жестом путь на запад. Князь тьмы и символ зла, подобно Наполеону, погрузившему Москву в дымы пожаров, оставляет город горящим. В рукописи «Великий канцлер» (1934) иностранный маг и его свита, покидая столицу России, оказываются у Воробьевых гор, оборачиваются и смотрят на Москву:

«В глазах поднялись многоэтажные белые громады Зубовки, а за ними — башни Москвы. Но эти башни видны были в сизом тумане. Ниже тумана над Москвой расплывалась тяжелая туча дыма.

— Какое незабываемое зрелище! — воскликнул Бегемот...» (гл. «Гонец»).

Вероятно, именно такими по замыслу писателя были результаты посещения Москвы гражданином Азazelло, позднее Воландом. В ранней рукописи «Вечер страшной субботы» (1929–1931) автор-повествователь ведет рассказ от первого лица и сообщает о Доме писателей: «...дом этот стал перед безумным воспаленным моим взором в виде обуглившихся развалин...» (гл. «Дело было в Грибоедове»). Прощаясь с Москвой, мастер с ужасом видит эти пожары и восклицает: «Но дети! Позвольте, дети!» В ответ над Москвой вдруг гремит спасительная гроза. В окончательном тексте от кота и Коровьева пострадали «четыре сожженных дома». С большим мастерством написанные сцены романа соединяют реальность с фантастикой: это мир воображения, и события в нем подчиняются воле Булгакова. Мир Москвы в романе — это мир литературы и театра, тот мир, который был так хорошо знаком Булгакову, и воплощает он мир его современника.

Война закончилась, но газеты каждый день писали о ней: об опасности нового вторжения, о враждебности окружающих капиталистических государств. Первого мая 1927 года ЦК принял постановление о подготовке к войне. И в рукописях «Мастера и Маргариты» появились сцены, в которых на Воланда и его свиту летят самолеты, а люди в противогазах пытаются взойти на Воробьевы горы и захватить таинственных гостей. Так, в духе времени, описывает Булгаков конфликт между реальным и вечным миром. Позднее атрибуты новой войны, технически оснащенной, уйдут в написанную летом 1931 года пьесу о мировой катастрофе «Адам и Ева». И реплику «Но дети, по-

¹ Булгаков М. А. Сорок сороков // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 285.

звольте, дети!» произнесет ученый Ефросимов, который решил отдать изобретение, спасающее от газовой войны, «всем странам сразу». Из романа о Пилате военная техника исчезает: она могла разрушить хрупкое, с таким искусством созданное писателем здание романа, где сосуществуют герои, разделенные двумя тысячелетиями. Контраст эпохи Иисуса Христа и московских сцен, конфликт свиты Воланда и московских жителей лежит не столько в реальности, сколько в сознании, воображении, в духовной сфере. И реальный мир романа поэтому в большой мере — мир условный.

На Воробьевых горах разворачиваются последние московские сцены романа во всех полных редакциях текста «Мастера и Маргариты». И главный герой романа, ушедший в иной мир мастер, прощается с Москвой, подойдя к перилам смотровой площадки — туда, откуда Булгаков сам нередко любовался городом.

Исследуя рукописи романа, В. И. Лосев обнаружил фрагмент, который никогда не входил в опубликованный текст «Мастера и Маргариты»: в последней машинописи после слов «мастер... поглядел в лицо Воланду прямо и смело» шел текст об аэроплане, кружившем над Новодевичьим монастырем и атаковавшем Воланда и его свиту.

«— Э-ге-ге, — сказал Коровьев, — это, по-видимому, нам хотят намекнуть, что мы излишне задержались здесь. А не разрешите ли мне, мессир, свистнуть еще раз?

— Нет, — ответил Воланд, — не разрешаю. — Он поднял голову, всмотрелся в разрастающуюся с волшебной быстротою точку и добавил: — У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело, и вообще все кончено здесь. Нам пора!»

Этот фрагмент (кончая словами «а Воланд — на правой») Лосев включил в публикуемую версию текста романа, поскольку в первом экземпляре машинописи он был «изъят кем-то (оторвано пол-листа), а во втором экземпляре, к счастью, сохранился»¹. Вместо этого фрагмента Елена Сергеевна Булгакова вписала в окончательную редакцию другой текст, который и публиковался ранее. Вероятно, замена была сделана по цензурным причинам, поскольку слова «У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело, и вообще все кончено здесь» могли быть отнесены к Сталину, то есть «сатана хвалил генсека!»². Кстати, образ летчика-истребителя впервые появляется

¹ Лосев В. И. Комментарии к роману «Мастер и Маргарита» // Булгаков М. А. Мой бедный, бедный мастер... М.: Вагриус, 2006. С. 1005.

² Там же.

у Булгакова в пьесе «Адам и Ева» (1931), которому Булгаков придал демонические черты. Безжалостность и бесчеловечность стали смыслом существования истребителя. В ходе трансформации образа сатаны в романе «Мастер и Маргарита» появляются два лика зла: один — связанный с историей Воланда, миром тайной свободы и справедливого возмездия, другой — образ истребителя с его ненасытной жадой уничтожения. Возможно, смысл слов Воланда о летчике-истребителе заключается в признании сатаной этого нового лика зла.

В тексте романа «Мастер и Маргарита» сохранилось много деталей московской жизни писателя. В 1921–1924 годах Булгаков жил в огромном пятиэтажном доме на Большой Садовой, сначала в квартире № 50, затем в квартире № 34. Именно в этом доме происходят многие события романа: здесь квартира Степы Лиходеева и Берлиоза, где поселяется и принимает посетителей сатана Воланд, сюда, в бывший кабинет Берлиоза, в «Великом канцлере» влетает по трубе превратившаяся в ведьму Маргарита, здесь происходит Великий бал у сатаны. Недалеко от дома на Большой Садовой находится в романе театр «Варьете», в котором легко узнается здание цирка братьев Никитиных (теперь занимаемое Театром сатиры). Здесь находился кабинет Римского и зрительный зал, где давал представление Воланд. Отсюда, из сада театра (бывший сад «Аквариум»), Азazelло и Бегемот тащили в квартиру Берлиоза оглушенного администратора Варенуху, которого превратил в вампира поцелуй ведьмы Геллы.

Затем писатель поселился в Обуховом переулке, недалеко от дома, где жил его дядя, врач Николай Михайлович Покровский, и где происходят события повести «Собачье сердце». Вместе со второй женой Любовью Евгеньевной Белозерской он переехал вскоре в дом № 4 в Малом Лёвшинском переулке, неподалеку от Государственной академии художественных наук. В Академии художественных наук Булгаков познакомился со специалистом по средневековой литературе и фольклору Борисом Ярхо. В Малом Лёвшинском переулке тогда жил гениальный математик, философ и искусствовед Павел Флоренский, вместе с которым жена писателя Любовь Евгеньевна работала в редакции «Технической энциклопедии»: Флоренский был заместителем главного редактора¹. И уникальный специалист по средневековым текстам Борис Ярхо, и Павел Флоренский, книга которого «Мнимости в геометрии» хранится в архиве М. А. Булгакова в Российской государственной библиотеке (хотя сведений о личном знакомстве

¹ Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. М.: ЛОКИД-МИФ, 1996. С. 474–486.

Булгакова с ним нет), несомненно, оказали влияние на мир романа «Мастер и Маргарита» и, вероятно, дали некоторые черты главному герою — мастеру.

В августе 1927 года Булгаков снял трехкомнатную квартиру на Большой Пироговской улице в доме № 35а, недалеко от Новодевичьего монастыря. Выйдя из дома на Большую Пироговскую, писатель видел слева «пряничные башни» монастыря, а справа улицу, идущую к Zubовской площади и далее к центру Москвы, набережной и Кремлю. Роман «Мастер и Маргарита» был начат в кабинете Михаила Булгакова на Большой Пироговской. Здесь в марте 1930 года были сожжены первые главы романа и здесь была написана первая полная рукопись романа — «Великий канцлер» (1932–1934). В сентябре 1934 года Булгаков пишет главу «Гонец», в которой создает пейзаж Москвы: «Воланд в сопровождении свиты к закату солнца дошел до Девичьего монастыря. Пряничные зубчатые башни заливало косыми лучами из-за изгибов Москвы-реки. По небу слабый ветер чуть подгонял облака. Воланд не задерживался у монастыря. (...) он устремился вдаль к Москве-реке». В Новодевичьем монастыре жила когда-то в заточении сестра Петра I царевна Софья Алексеевна, а перед окнами кельи для ее устрашения по приказу царя Петра были повешены участники Стрелецкого бунта. Иван Бездомный в «Вечере страшной субботы» не раз вспоминает «стремянных стрельцов», «пищали» и «мотоциклетки с секирами».

В феврале 1934 года писатель с семьей переехал на новую квартиру в Нащокинском переулке (в то время улица Фурманова). Это был дом, где жили литераторы — писатели, поэты, критики. Здесь, в кабинете-спальне Булгакова, была написана примыкающая к «Великому канцлеру» рукопись «Фантастический роман» и все последующие тексты: «Золотое копьё», «Князь тьмы», полная рукописная редакция и окончательный текст «Мастера и Маргариты». Но Большая Пироговская и Новодевичий монастырь навсегда вошли в роман «Мастер и Маргарита». Вглядываясь в современность, писатель всегда помнит о жестокой истории государства Российского.

Конец 1910-х и 1920-е годы были временем антирелигиозной пропаганды, вскрытия мощей, арестов, осуждения и ссылок священников, закрытия и взрывов храмов, конфискации церковных ценностей. Сцена в бывшей церкви, когда бывший священник Аркадий Элладов продает шубу Александра III, в гротескной форме отражает размах борьбы с религией и христианскими святынями в Советской России. Так, 19 мая 1918 года пленум ЦК РКП(б) обсуждал вопросы церкви

и религии: усилились контрреволюционные действия духовенства, монастыри и церкви стали складами оружия. Пленум постановил вести устную и печатную пропаганду против религии, и это было поручено Демьяну Бедному, Льву Сосновскому и Емельяну Ярославскому. В 1922 году при ЦК была создана Антирелигиозная комиссия, просуществовавшая до 1929 года; с 1923 года ею руководил Емельян Ярославский.

В 1917–1918 годах состоялся первый со времен Петра I Поместный собор Православной российской церкви. Власть большевиков была передана церковным собором анафеме. Патриархом Московским и всея России был избран Тихон. Часть духовенства к тому времени эмигрировала, часть выжидала и приспособлялась к новым условиям. Многие из священников в начале 1920-х годов попали в лагеря. В 1922 году патриарх Тихон был арестован, заключен в Донской монастырь, а спустя несколько месяцев в газете «Известия» было опубликовано его обращение к духовенству и верующим с призывом не сопротивляться новой власти.

В эти годы в Русской православной церкви появились новые течения. Часть духовенства заявила, что не только признает советскую власть, но и готова сотрудничать с ней и проповедовать идеи коммунизма, равенства и братства. Это движение получило название «обновленцев». Одним из лидеров обновленцев был митрополит Александр Введенский. Он вел открытые диспуты с представителями советской власти, собирая огромные залы. В числе его оппонентов был народный комиссар просвещения Анатолий Луначарский. Диспуты освещались в печати. Так, по поводу диспута митрополита и наркома, состоявшегося в 1925 году в зале Ленинградской филармонии, сатирический журнал «Бегемот» писал: «Христовлавы. Христа славят в филармонии» — и указывал цены на билеты, делая мероприятие рекламой. В 1928 году материалы диспутов обновленца А. Введенского и атеиста А. Луначарского были опубликованы отдельной книгой, которая не прошла мимо внимания автора «Мастера и Маргариты».

Журнал «Богоборец» в романе «Мастер и Маргарита» имел реального «прототипа» — выходящий в Москве журнал «Безбожник», редактором которого был Емельян Ярославский. Уже в 1919 году в Советской России выходил журнал «Революция и церковь». Впоследствии появился еще целый ряд пропагандирующих атеизм изданий, в том числе журналы «Атеист», «Антирелигиозник», «Деревенский „Безбожник“», «Юные безбожники» и самый популярный антирелигиозный журнал Советской России «Безбожник». Во многих учреж-

дениях и на предприятиях существовали кружки «безбожников». В романе Булгакова членом такого кружка является председатель правления жилтоварищества дома 302-бис Никанор Босой, попавший в тюрьму за взятки. В 1925 году в СССР был создан Союз воинствующих безбожников и состоялся его первый съезд. Христианская литература была изъята из библиотек. В романе Булгакова профессор Стравинский просит купить Евангелие для Иванушки Бездомного у букинистов.

Берлиоз, убеждающий Ивана в том, что Христос не существовал, произносит монолог, из которого «поэт узнавал все больше и больше интересного и полезного и про египетского Озириса, благостного бога и сына Неба и Земли, и про финикийского бога Фаммуза, и про Мардука, и даже про менее известного грозного бога Вицилупци, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике». Этот монолог мог быть намеком на сочинения Емельяна Ярославского: он издал десятки антирелигиозных брошюр, самой популярной из которых была «Библия для верующих и неверующих» (1923–1925), переиздававшаяся неоднократно.

Обычно с возникновением замысла романа «Мастер и Маргарита» связывают день 5 января 1925 года, когда Булгаков записал в дневнике: «Сегодня специально ходил в редакцию „Безбожника“. Она помещается в Столешниковом переулке, вернее, в Козьмодемьянском, недалеко от Моссовета. (...) Тираж, оказывается, 70 000 экземпляров и весь расходится. В редакции сидит невероятная сволочь, выходит, приходит; маленькая сцена, какие-то занавесы, декорации... На столе, на сцене, лежит какая-то священная книга, возможно Библия, над ней склонились какие-то две головы. (...) Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера „Безбожника“, был потрясен. Соль не в кощунстве, хотя оно, конечно, безмерно, если говорить о внешней стороне. Соль в идее, ее можно доказать документально: Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника, именно его. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены»¹. Далее сделана запись: «Вечером была Л. Л. и говорила, что есть на свете троцкисты. Анекдот: когда Троцкий уезжал, ему сказали: „Дальше едешь, тише будешь“. Этот фрагмент говорит о том, что в газетах уже шла полемика о книге Л. Д. Троцкого «Уроки Октября», и жестокая борьба за власть в Политбюро привела к высылке Троцкого.

¹ *Булгаков М. А. Мой дневник. 1923–1925 // Булгаков М. А. Под пятой. Дневник. Письма и документы / Сост., подгот. текста, коммент. В. И. Лосева. СПб., 2011. С. 106–107.*

В 1925 году на страницах газет «Правда» и «Беднота» был напечатан «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна», поразивший Булгакова. У верующего человека развязно написанный текст, где о Христе говорилось «жалкая ты тетеря», мог вызвать лишь слезы обиды и бессильного гнева. Автором «Нового завета без изъяна...» был один из самых известных советских поэтов Демьян Бедный (псевдоним Ефима Придворова). Именно ему еще в 1918 году была поручена антирелигиозная пропаганда. Исследователь творчества Д. Бедного сообщает: «...он — правительственный поэт. Вместе с правительством он переезжает в 1918 году в Москву, живет в Кремле, в ежедневном общении с членами ЦК и Совнаркома»¹.

Булгаков был знаком с творчеством самого яростного борца с религией в советской печати. В газете «Гудок» Булгаков печатал обработанные письма железнодорожников на четвертой полосе в рубрике «Наша газета». 31 марта 1923 года под одним из писем стояла подпись «Иван Бездомный»² — герой с таким именем (точнее, литературным псевдонимом) появится в романе Булгакова о Пилате и Москве 1920-х годов. В марте 1923 года в «Гудок» пригласили уже знаменитого Демьяна Бедного. Вскоре Булгаков и Бедный оба печатались в рубрике газеты «Маленький фельетон». В газете «Гудок» появились рубрики, посвященные борьбе с религией, — «Гибель богов!» и «Богов насмарку». Стало известно, что бывшая церковь Святого Пантелеймона в Москве была превращена в Клуб имени Демьяна Бедного³. Возможно, этот случай лежит в основе эпизода с «аукционной камерой» в церкви в первой рукописи романа о дьяволе «Черный маг» (гл. «Якобы деньги»). Несомненно, знаком был Михаилу Булгакову и фельетон Бедного «Перешитая ряса», в котором священника-торгаша зовут Мишка Шариков, — эта фамилия дана Булгаковым Полиграфу Полиграфовичу в «Собачем сердце». Антирелигиозному поэту новая власть абсолютно доверяла. Демьян Бедный даже участвовал во дворе Кремля в казни эсерки Ф. Каплан, совершившей покушение на Ленина 30 августа 1918 года: «3 сентября 1918 года в 16 часов 00 минут комендант Кремля матрос Павел Мальков собственноручно выстрелил Каплан в затылок. (...) где хоронить? Решили — нигде. Положили тело в железную бочку, облили бензином и сожгли. Пролетарский поэт Демьян Бедный помогал подливать бензин и даже подал

¹ Кузьякина Н. Михаил Булгаков и Демьян Бедный // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М.: СТД РСФСР, 1988. С. 397.

² Там же. С. 394.

³ Там же. С. 398.

матросу зажженную спичку. Но когда запахло горелым мясом, все-таки упал в обморок»¹. Пролетарский поэт был известен еще и как владелец прекрасной библиотеки. Погубила Демьяна Бедного, поэта-агитатора, именно близость к власти. Часто книги из его библиотеки брал Иосиф Сталин. Демьян Бедный неосторожно рассказал кому-то из знакомых, что Сталин оставляет в книгах следы от пальцев, — и поэт впал в немилость. Осип Манделштам за стихотворение о «кремлевском горце», где были строки: «Его толстые пальцы, как черви, жирны, / И слова, как пудовые гири, верны, / Тараканьи смеются усища, / И сияют его голенища...» — заплатил арестом, ссылкой, а затем лагерем и гибелью в 1938 году. Демьян Бедный отделался исключением из ВКП(б) и Союза писателей, ему пришлось освободить кремлевскую квартиру и бедствовать, продавая библиотеку.

После публикации «Нового завета без изъяна евангелиста Демьяна» во многих странах был введен запрет на ввоз газеты «Правда». Во время обыска на квартире Булгакова в мае 1926 года у писателя вместе с дневниками и текстом повести «Собачье сердце» было изъято «Послание евангелисту Демьяну». Оно сохранилось в деле, заведенном на Булгакова в ОГПУ². Это «Послание», автор которого обращался к «евангелисту Демьяну» так: «Ты сгусток крови у Креста / Кошнул ноздрей, как толстый боров, / Ты только хрюкнул на Христа, / Лакей Ефимович Придворов»³, — долгое время приписывалось Сергею Есенину, покончившему с собой в декабре 1925 года в номере гостиницы «Англетер». На самом деле автором «Послания евангелисту Демьяну», как сообщает В. И. Лосев, был журналист Н. Н. Горбачев.

Демьяна Бедного называют в числе прототипов Ивана Бездомного. Однако Бездомный, двадцатитрехлетний персонаж романа Булгакова, — жертва антирелигиозной пропаганды. В романе идет борьба за душу и сознание Ивана Бездомного между силами света и тьмы. Демьян Бедный в этой борьбе воюет явно на стороне сил тьмы.

Образ редактора журнала менялся от рукописи к рукописи: ясно лишь, что редактору не меньше тридцати пяти лет. В одной из рукописей Булгаков изображает его в военной гимнастерке. В 1917 году именно Емельян Ярославский отвечал в партии большевиков за контакты с войсками, позднее был членом Московской военной организации. Кроме Ем. Ярославского, в числе прототипов Берлиоза назы-

¹ Измайлова М. Эпопея Фейги // Вокруг света. 2009. № 6. С. 150.

² Лосев В. И. Бог поругаем не бывает // Булгаков М. А. Мой бедный, бедный мастер... С. 9.

³ Цит. по: Лосев В. И. Бог поругаем не бывает. С. 10.

вают М. Кольцова, редактора журналов «Огонек», «Крокодил», «За рубежом», «Чудак»; Ф. Раскольников, редактора журналов «Молодая гвардия», «Красная новь» (можно назвать и его предшественника — известного литературоведа и редактора-коммуниста А. Воронского), М. Рейснера, автора атеистического предисловия к книге А. Барбюса «Иисус против Христа», заведующего театральной секцией Главреперткома В. И. Блюма¹. Одним из прототипов этого персонажа можно считать и поэта В. Нарбута, автора порнографического текста книги стихов «Аллилуйя», изданной церковно-славянским шрифтом и красными титлами в 1912 году, а в 1924–1927 годах он был заместителем заведующего отдела печати при ЦК РКП(б), в 1927–1929 годах одним из руководителей ВАПП (Всероссийской ассоциации пролетарских писателей)².

Фамилия редактора журнала напоминает о французском композиторе Гекторе Берлиозе, авторе «Фантастической симфонии», части которой назывались «Мечтания — Страсти», «Бал», «Сцена в полях», «Шествие на казнь», «Сон в ночь шабаша». Имя Берлиоза, столь расходящееся со взглядами, невежеством и ограниченностью редактора «Богоборца», вполне соответствует контрастному принципу создания образов в романе: за образом человечка, который с «приличной шляпой пирожком» в руках разглагольствует о Христе, вдруг проявляется страстный и величественный мир Гектора Берлиоза, романтика, написавшего симфонию о гибели Иисуса и связавшего казнь Христа с властью сатаны.

Журнал «Безбожник», который вел борьбу с Христом и изображал его бродягой, вором, луном и пьяницей, как это ни странно, в своей антирелигиозной пропаганде обращался к материалу средневековых легенд. Из статей «Безбожника» читатели узнавали об облике, привычках, превращениях чертей, о полете князя тьмы над землей, о дани, которую взимал князь воздуха с душ праведников, стремящихся в рай. Эта «солидаризация» официальной антирелигиозной пропаганды в борьбе с христианством с силами тьмы и смерти и поразила Булгакова. Жестокая судьба редактора «Богоборца» на страницах романа «Мастер и Маргарита» связана, несомненно, с методами антирелигиозной пропаганды: постоянными сообщениями, заметками, статьями о дьяволе, очерками о фигурах ада и могуществе Вельзевула. Между тем само поминание черта, по народному поверью, приво-

¹ Лесский Г. А. Триптих М. Булгакова о русской революции. М.: ОГИ, 1999. С. 249.

² Нарбут В., Зенкевич М. Статьи. Рецензии. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

дит к его появлению. На этом сюжетном ходе построены многие эпизоды романа «Мастер и Маргарита». Стоит кому-либо из персонажей сказать: «Черти б меня взяли!» или «Дьяволу заложила бы я душу...» — и сатана или его посланцы появляются рядом. Идущему на смерть редактору «Богоборца» Воланд кричит вслед: «А дьявола тоже нет?»

В числе источников романа Булгакова было дело русских мистиков, аресты которых проходили в Ленинграде и Москве в 1926 и 1929 годах. В начале 1920-х годов руководителем оккультных лож в Советской России был Г. О. Мёбес. До революции Мёбес преподавал в Пажеском корпусе и Николаевском кадетском корпусе. Он также был приглашен в качестве преподавателя к детям великого князя Константина Константиновича, известного поэта, публиковавшегося под псевдонимом К. Р. В 1914 году в Санкт-Петербурге К. Р. опубликовал пьесу «Царь Иудейский» о последних днях Христа. Мёбес читал своим поклонникам лекции о магии и оккультизме, по его лекциям была составлена «Энциклопедия оккультизма». В 1919 году Мёбес назначил генеральным секретарем Ордена мартинистов Бориса Астромова (Кириченко). Выходец из обедневшей дворянской семьи, Астромов некоторое время учился в Италии и в 1909 году стал масоном в ложе «Авзония», принадлежавшей «Великому Востоку Италии». В 1921 году он создал масонскую ложу «Три северные звезды» («Tres Stellae Nordicae»), а затем ложи «Пламенеющий лев» («Leo Ardens») и «Дельфин» («Delphinus»). Управлялись они автономной Великой ложей «Astrea Ruthenica» («Русская звезда»), великим мастером которой стал Астромов. «Astrea Ruthenica» в начале 1920-х годов занимала помещение в центре Петрограда, на втором этаже старинного дома напротив Михайловского театра: «Ложа занимала большой зал, традиционно обставленный, с драпировками голубого цвета; окна выходили на Михайловскую площадь. Ложа „Три северные звезды“ помещалась в квартире Астромова в его кабинете»¹. Когда 15 июня 1923 года Б. Астромов прочитал публичную лекцию «Идеология франкмасонства», отчет о ней поместила «Красная газета» — самая популярная газета Петрограда, известная и в столице².

Булгаков был внимательным читателем газет. Как раз в это время он стал членом кружка «фантастических писателей», который соби-

¹ Асеев А. М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство / Публ. Н. А. Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998. С. 34.

² Красная газета. 1923. 16 июня. Вечерний вып. Цит. по: Богомолов Н. А. Примечания к статье А. М. Асеева «Посвятительные ордена» // Литературное обозрение. 1998. № 2. С. 37.

рался у секретаря издательства «Недра» П. Н. Зайцева. На одном из заседаний Булгаков предложил создать орден со своим уставом, но кружок быстро распался¹. Со стороны Булгакова, склонного к мистификациям, это была, по-видимому, только шутка, игра. Отец писателя — А. И. Булгаков, профессор Киевской духовной академии по кафедре истории и разбора западных исповеданий, был автором труда «Современное франкмасонство в его отношении к церкви и государству» (1903)², который, несомненно, был известен его сыну М. А. Булгакову. Историк масонства Т. О. Соколовская в начале 1920-х годов в Петрограде «поставила инсценировку посвящения в 30-ю степень масонства по ритуалу „Блистательного капитула Феникса“»³. Представление состоялось в помещении «Общества ревнителей истории» на Васильевском острове. «Инсценировка эта была построена на исторических материалах времен императора Александра I, в сохранившихся костюмах эпохи»⁴.

Исследователь Н. А. Богомолов сообщает: «...в мае 1925 года Б. Астромов явился в приемную ОГПУ в Москве и предложил свое сотрудничество; с июня несколько раз давал показания, 15 августа он подал в ОГПУ докладную записку „Российское автономное масонство“... В начале 1926 года последовали аресты»⁵. В Ленинграде на квартире Б. Астромова были найдены списки членов ложи. Всего было арестовано тридцать человек. «В газете „Ленинградская правда“ этому разгрому был посвящен целый подвал, в котором с фанфарами и барабанным боем было объявлено о раскрытии органами ОГПУ масонских контрреволюционных организаций...»⁶ Руководители масонских лож были на три года сосланы на Соловки, после чего, незадолго до окончания срока ссылки, переведены на Медвежью гору, входившую в систему Соловецкого лагеря особого назначения — СЛОН. Мёбес умер в Усть-Сысольске. Б. Астромов в 1928 году был сослан на три года в Сибирь. Остальные арестованные участники оккультных лож были отправлены в Нарымский край. Б. С. Соколов сообщает о газетной публикации от 15 июня 1928 года: «В очерке „Красной газеты“ указывалось, что Астромов был гипнотизером и вместе с другим масоном Гредигером утверждал, что живет уже две тысячи лет. (...)»

¹ Чудакова М. О. Жизнеописание М. А. Булгакова. М., 1988. С. 227.

² Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. С. 94.

³ Асеев А. М. Посвятительные ордена. С. 34.

⁴ Там же.

⁵ Богомолов Н. А. Примечания к статье А. М. Асеева «Посвятительные ордена». С. 37.

⁶ Асеев А. М. Посвятительные ордена. С. 35.

Авторы очерка известные журналисты братья Тур... писали, что руководители ленинградских масонов выставляли масонство как философское, умозрительное течение, культурно-этический профсоюз, ничего общего с западным политиканствующим масонством не имеющий. Более того, Астромов... декларировал масонство как попутчика ВКП(б) и исторически „доказывал“ общность целей автономного русского масонства и... коммунистической партии». Среди членов астромовского кружка упоминались «последователи Канта, вычищенные из партии»¹. История ленинградских мистиков могла дать черты главному фантастическому персонажу романа — Воланду.

Вторая волна арестов мистиков прошла в годы «великого перелома» (1929–1930). Особенно трагично закончилась судьба возглавлявшего в Москве ложу «Гармония» Петра Кайзера: он был расстрелян. «...Престарелые родители Кайзера, узнав о расстреле сына, покончили жизнь самоубийством. Отец Петра Михайловича был врачом — он впрыснул какой-то яд сначала своей жене, а потом и себе самому, по взаимному уговору. Мать Петра Михайловича сидела в кресле, отец стоял на коленях у ее ног. Так застала их смерть. Около них на столе была поставлена икона Божией Матери с зажженной перед ней лампадой. Когда в комнату вошли, то они оба были уже мертвы, но лампада еще не успела догореть. Какая страшная судьба и какая трагически красивая смерть...»²

Крайности антирелигиозной пропаганды и жестокое противостояние людей во время Гражданской войны нашли отражение в произведениях Булгакова 1920-х годов, в которых повторяется мотив убийства безоружного человека. В комментарии к рассказу «Красная корона» М. О. Чудакова пишет: «В нем — ядро художественного мироощущения Булгакова, та завязь, из которой вышли впоследствии самые разные замыслы. В рассказе впервые разработана тема вины, только обозначенная три года назад в статье „Грядущие перспективы“, — как тема вины общенациональной. Участие — хотя бы и бездействием — в убийстве соотечественников, ложащееся неискупаемым бременем на всю дальнейшую судьбу каждого в отдельности и всех вместе, — этот биографический мотив будет положен в основание художественного мира Булгакова»³.

¹ Соколов Б. С. Булгаковская энциклопедия. С. 288.

² Богомолов Н. А. Примечания к ст. А. М. Асеева «Посвятительные орден». С. 37.

³ Чудакова М. О. Комментарии к рассказам М. А. Булгакова // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 594.

Герой «Красной короны» — жертва потрясения, внешних обстоятельств — братоубийственной войны. Свидетель гибели брата, герой не выдерживает напряжения, и на него обрушивается вина за все смерти, совершенные в эти годы. Его поражает нелепость и случайность смерти брата, идущего в бой со словами: «Я не могу оставить эскадрон». «Всадник был горд в седле, но он был слеп и нем. Два красных пятна с потеками были там, где час назад светились ясные глаза...» Неуловимое изменение ритма, краткая форма прилагательных — горд, слеп, нем — стилистически выделяют фрагмент описания смерти в «Красной короне». В нем впервые появляется и четырежды повторяется слово «всадник». Изображение всадника в «Красной короне» связано с апокалиптическими всадниками из Откровения Иоанна Богослова: четвертым из них был всадник на бледном коне, «имя которому смерть» (Откр. 6: 8).

Слово «всадник» станет одним из постоянных в титуловании Пилата в «Мастере и Маргарите»: «жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат». (Всадники — сословие в римском обществе.) Один из важнейших философских мотивов романа — понимание добра и зла как вечного столкновения жизни и смерти. Всадник Понтий Пилат — представитель иерархии Рима, власти земного владыки — кесаря. Сомнения и отчаяние посещают его лишь во сне — в той сфере, которая принадлежит Пилату-человеку. Конфликт социальной роли и человеческой сути, христианской нравственности и долга героя становится центральной темой евангельских глав романа. Уже в рассказах Булгакова 1920-х годов сложился тот комплекс идей об истине, вине и справедливости, который осмыслиется в романе и бросает свет на обе враждующие стороны. В монологе героя «Красной короны» часты обращения к неизвестному генералу, повесившему рабочего за найденную у него бумажку ревкома с печатью. Герой обращается к генералу как к человеку, который убивает и знает, что такое смерть: «Кто знает, не ходит ли к вам тот грязный, в саже, с фонаря в Бердянске?» Этот эпизод перекликается в «Беге» со сном генерала Хлудова: генерал велит повесить вестового Крапилина и ему начинает являться призрак Крапилина — знак душевных мук. Христианское понимание ценности жизни гораздо выше и политической, и классовой вражды. В произведениях Булгакова свойством человека и, как у Канта, доказательством бытия Божия является тот нравственный закон, который живет в человеке и вызывает его душевные муки, когда он нарушает заповеди Христа.

Булгаков получил известность в 1926 году, после октябрьских премьер его пьес «Дни Турбиных» (Московский Художественный театр) и «Зойкина квартира» (Театр имени Вахтангова); в 1928 году в Камерном театре была поставлена комедия-фарс Булгакова, высмеивающая цензуру Главреперткома, «Багровый остров». Московский Художественный театр принял к постановке пьесу Михаила Булгакова о событиях русской революции «Бег».

В 1920-е годы два миллиона русских, бежавших от власти большевиков, оказались в эмиграции, и тема была актуальной. По словам М. Горького, пьеса должна была иметь «анафемский успех». Ее поддерживали также нарком просвещения А. Луначарский и начальник Главискусства А. Свидерский. Героем любимой пьесы Булгакова «Бег» стал белый генерал Хлудов, бежавший вместе с армией из Крыма в Константинополь, но, неспособный жить вне родины, вернувшийся в Советскую Россию. Так поступил его прототип — белый генерал Яков Слащев, который вернулся в Москву в 1921 году, прощенный советским правительством. Слащев стал преподавателем Академии Генерального штаба, на занятиях он разбирал вместе с красными командирами бои Гражданской войны¹. Хлудов в «Беге» стал символом идеи согласия и прощения бывших врагов Гражданской войны — красных и белых. Это согласие и прощение было гарантией независимости России. Постановкой во МХАТе руководил В. И. Немирович-Данченко. «Роли разошлись следующим образом: Серафима — А. К. Тарасова, Люська — О. Н. Андровская, Чарнота — В. И. Качалов, Хлудов — Н. П. Хмелев...»²

Но против пьесы выступила Российская ассоциация пролетарских писателей — РАПП. Журнал «На литературном посту» поместил речи Киршона и Авербаха на заседании политико-художественного совета реперткома под заголовком «Почему мы против „Бега“ Булгакова». В. Киршон убеждал: «Тут некоторые много говорили по поводу художественных достоинств этой пьесы. Мне кажется, что человек, который разбирается в искусстве, должен назвать эту пьесу грубо тенденциозной. В чем подлинная трагедия эмиграции? В том, что даже честные люди, которые были в белом движении, в обстановке Константинополя и Парижа опускались. (...) А что получилось у Булгакова? У него эмигранты — это благороднейшие люди... (...) кому

¹ *Слащев-Крымский Я. А.* Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М.: Наука, 1990.

² *Гудкова В. В.* Комментарии к пьесе «Бег» // Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. СПб., 1989. С. 556.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Ерыкалова. Рукописи М. А. Булгакова: по следам героев «Мастера и Маргариты»</i>	5
---	---

КНЯЗЬ ТЬМЫ

Полная история «Мастера и Маргариты»

Черный маг	51
Копыто инженера	66
Вечер страшной субботы	92
Великий канцлер	109
Фантастический роман	257
Золотое Копье	313
Князь тьмы	341
Мастер и Маргарита (Роман. 1928–1937. Полная рукописная редакция)	437
Мастер и Маргарита (Окончательная редакция)	771